

Профессор, д.э.н. С.Н. Сильвестров, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Заслуженный экономист РФ

«Особенности стратегического планирования социально-экономического развития в условиях нарастающих внешних вызовов».

Обозначились контуры мира, которые требуют от каждого государства, от каждой компании, финансовой или нефинансовой международной организации большей эластичности поведения и адаптивности. Краткосрочные и оперативные действия необходимо сочетать со стратегическим планированием, определяющим выходы из рискованных и кризисных состояний, приводящим к структурной адаптации, качественным изменениям и к укреплению конкурентоспособности экономики.

Экономическая политика и экономическое поведение должны быть иными, если мы видим нашу страну в будущем. Реакция на санкции и развитие импортозамещения, безусловно, задачи крайне важные. Однако они не цель, а следствие экономической политики, не учитывающей весь комплекс равнозначных вызовов для чрезмерно открытой экономики. И это сейчас является важным политическим вопросом.

Нынешняя российская стагнация – это в значительной мере результат отчасти утраченной способности видеть отдаленную перспективу, когда предпочтение длительное время отдавалось тактическим действиям по принципу «импульс-реакция».

Кажется, каждое ведомство и министерство добросовестно выполняют свою часть общей работы, но действуют несогласованно и разрозненно. При этом общей стратегии действий, основанной на видении хотя бы среднесрочного будущего, не просматривается. Концепция социально-экономического развития до 2020 г. не актуальна во многих частях и разошлась с реальностью, корректировка же не удалась.

Переход к плавающему валютному курсу, таргетирование инфляции в нынешнем виде, затухание инвестиционного процесса в отсутствие стратегии развития дестабилизировали высокомонопользованную открытую экономику.

Отдельные локальные действия могут быть очень правильными, но следует обратить внимание, что стратегические крупные вопросы остаются не решенными и общая картина развития смутной.

Показательный пример многочисленные заявления о переходе к экономике на основе инновационного развития. С начала нулевых годов мы говорим о необходимости перехода к инновационной модели развития.

Вскоре, однако, устали от слова «инновационный», затерли его, стали стесняться использовать. Произошло это от того, что ни одна стратегия, ни одна программа сначала до 2010 года, затем до 2015 или 2020 года по созданию, например, инновационной инфраструктуры, национальной инновационной системы, по научно-техническому развитию практически не доведены до конца.

Вместе с тем, институты развития инновационной экономики созданы и работают. Но они практически блокируются инерцией доминирующей модели финансовой стабилизации, на которую преимущественно сориентирована экономическая политика.

Кроме того, видимо, есть боязнь неопределенности, которая может возникнуть в период перехода к иной модели развития. Хватит ли в этот период сил удерживать экономику навесу? И, действительно, этот момент очень рискованный, требует согласованного стратегического маневра, одновременного решения равновеликих по значимости вопросов.

Проблема институциональной адаптации российской экономики в современных условиях – в выборе такой формы, которая позволит провести системные изменения в российской экономике в сроки, учитывающие темпы и направления глобальной модернизации.

Подобный формат изменений содержательно должен охватывать совместные усилия корпоративного сектора, институтов государства и гражданского общества в четырех взаимосвязанных направлениях:

- Стратегическом целеполагании и планировании для реализации крупномасштабных новаторских проектов, направленных на всестороннее ресурсосбережение и внедрение технологических платформ более продвинутых технологических укладов;
- Системном использовании лучших практик налогово-бюджетного и денежно-кредитного регулирования развития национальной инновационной системы и модернизации на основе коммерциализации технологий;
- В сбережении и повышении качества человеческого капитала на основе модернизации модели распределительных и перераспределительных отношений;
- Реализации не только проектного, но и процессного подхода к регулированию и управлению.

Без отлаживания системы отношений между участниками модернизационного процесса не может быть реализован ни один крупный проект, невозможно избежать

расточительного расходования ресурсов и непрозрачности принимаемых решений и ответственности за их выполнение.

1. При стратегическом планировании российское развитие следует рассматривать в глобальном контексте. Прежде всего, потому, что открытость российской экономики в сложившейся ситуации становится весьма опасной, превышая почти вдвое пороговые значения

Вызовы и угрозы обеспечению экономической и технологической безопасности и устойчивого функционирования экономики Российской Федерации в обостряют следующие ниже перечисленные доминирующие тенденции глобального развития.

Во-первых, обострение конкуренции и противоречий между государствами и транснациональными корпорациями (ТНК), что осложняет установление и развитие внешнеэкономических отношений, ограничивает возможности обеспечения устойчивого функционирования экономики и военной экономики в особенности.

ТНК с помощью и при поддержке государственных структур стран собственного происхождения стремятся взять под контроль цепочки добавленной стоимости и движение объектов интеллектуальной собственности, пересмотреть условия и функции деятельности международных организаций действующих на основе межгосударственных договоренностей (пример - преференциальные всесторонние торгово-инвестиционные соглашения, выходящие за пределы ВТО), ввести широкую практику судебного разбирательства инвестиционных споров корпораций с национальными юрисдикциями на основе корпоративного арбитража (ISDS..

При этих обстоятельствах российская экономика за последнее десятилетие сократила участие в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦДС). Нельзя выделить признаки вертикального обновления отраслей в ГДЦС. Нарастания вклада добавленной стоимости в российский экспорт конечных товаров оказалось недостаточно для того, чтобы увеличить участие России в зарубежном конечном потреблении. Исключением является только сектор АПК, однако приращение в нем объемов производства за десятилетие составило менее 5%. Серьезное сокращение участия в мировом потреблении добавленной стоимости продемонстрировал металлургический комплекс, химическая промышленность и фармацевтика, машиностроение.

Во-вторых, усиление роли англо-американских институциональных монополий, доминирующих в мировой экономике и финансах, что затрудняет привлечение материальных, интеллектуальных и финансовых ресурсов с внешних рынков на благоприятных условиях и угрожает введением широкомасштабных санкций за несоблюдение международных норм. Современная международная валютно-финансовая

система является одним из основных продуцентов рисков и угроз для стабильности и укрепления потенциала российской экономики. Под такими институциональными монополиями подразумеваются правила и стандарты, при помощи которых устанавливаются и поддерживаются условия для неравного обмена. В их числе, глобальный корпоративный контроль со стороны немногочисленных финансово-промышленных группировок, бумажно-валютный (долларовый) стандарт, биржевое ценообразование на рынках товарно-сырьевых ресурсов, мировой межбанковский валютный рынок ФОРЕКС, плавающая ставка ЛИБОР, американские рейтинговые агентства (Moody's, S&P, Fitch и др.), англо-американское право, англо-американские аудиторские стандарты, офшорные юрисдикции.

В-третьих, создание кибернетической (цифровой) мировой экономики и валютно-финансовой системы.

Формирование цифровой экономики (ЦЭ) представляет вызов экономической безопасности России, с одной стороны предоставляющий «окно возможностей» для встраивания национальной экономики в формирующийся мирохозяйственный порядок, с другой стороны - несущий значительные риски ее конкурентоспособности.

Доля цифровой экономики в ВВП России имеет тенденцию роста при низких темпах и, как результат, в 2 раза меньше чем в странах группы G-20, и в 3-4 раза меньше чем у лидеров цифровизации. По оценкам специалистов, отставание России от лидеров по уровню цифровизации составляет около 5-8 лет, а в ближайшие 5 лет, с учетом экспоненциального развития ИКТ, может составить 15-20 лет.

Это связано как с общим технологическим отставанием, так и с отсутствием достаточной научно-технической базы отрасли ИКТ.

В качестве составляющих ЦЭ обычно понимаются: отрасли «четвертой промышленной революции»: биотехнологии, аддитивные технологии, роботизация, нейротехнологии, фотоника;

сфера интернета вещей, облачные вычисления, технологии обработки больших данных;

сфера электронного банкинга и электронных финансовых услуг;

сфера электронной торговли и логистики.

В части перспективных отраслей следует отметить, что к настоящему моменту в США, ФРГ, Японии и ряде других стран ОЭСР в отличие от России ЦЭ фактически уже прошла этап развития ИКТ – инфраструктуры. Переход к следующей фазе развития означает создание и изменение функционала программного контента, который осуществляется посредством использования типовых модулей программного кода,

отвечающих за выполнение типовых или наиболее востребованных функций. В результате, эти страны еще в период до 2010 года приняли государственные стратегии по достижению технологического лидерства на мировом рынке. Их основой является реиндустриализация на базе новых производственных технологий и разработка новой системы международных стандартов технологий создания программного контента. Новая система стандартов позволит институционально закрепить права собственности не только на владение ИКТ-технологиями, но и на вторичные организационные и финансовые инновации, созданные на их основе.

Можно констатировать, что в ЦЭ сложилась иерархическая цепочка: потребитель, продавец, торговые платформы (площадки) и смежные отрасли (реклама, логистика, доставка, платежные системы), компании (далее - ТНК) - правообладатели на программные платформы, цифровые технологии, нематериальные активы в области ЦЭ и программный контент, страны-юрисдикции ТНК, обладающие значительным влиянием на ТНК.

Примечательно, что странами-лидерами цифровизации в рамках ОЭСР и G-20 развивающимся странам, в том числе Российской Федерации, предлагается концепция развития ЦЭ, подразумевающая в основном лишь ускоренное развитие ИКТ-инфраструктуры и реформирование законодательной базы, которые обеспечат устранение барьеров для международной интеграции в сфере развития новых форм организации бизнеса на основе ИКТ.

Реализация такого подхода к развитию ЦЭ в «ограниченном варианте» одновременно подразумевает создание странами с развивающимися рынками и развивающимися странами за счет собственных средств благоприятной среды для проникновения и широкого распространения правил и передовых ИКТ-технологий, поставщиками которых будут ведущие западные ТНК.

Реализация такого подхода к развитию ЦЭ несет для России стратегически значимую угрозу утраты технологического суверенитета и закрепления долгосрочного статуса «технологической периферии».

Нарастающая цифровизация сфер экономики обуславливает ее интеграцию (погружение), как сетевого элемента, в наднациональную ЦЭ, что увеличивает также риски информационной безопасности, способные нанести ущерб устойчивости национальной экономики и ее развитию.

Одним из примеров возможного использования такой интеграции служит отказ контрольно-защитных систем на нескольких уровнях в Иркутской энергосистеме, приведшей к критической ситуации алюминиевые предприятия Сибири.

2. Стратегическое планирование, как важнейший элемент, экономической политики должно быть иным и ориентироваться не только на обеспечение стабильности, но и, прежде всего на развитие, если мы видим нашу страну в будущем.

Помимо внешних вызовов и угроз существуют внутренние угрозы для структурного развития российской экономики, качественной модернизации промышленно-производственной базы и ее усиления потенциал.

Во-первых, серьезным вызовом национальной безопасности является торможение перехода на инновационную модель развития экономики.

С начала нулевых годов мы говорим о необходимости перехода к инновационной модели развития. Российские институты развития инновационной экономики созданы и работают. Но их активность практически блокируется инерцией доминирующей модели финансовой стабилизации, на которую преимущественно сориентирована экономическая политика.

Торможение перехода на новую модель экономического развития привело к углубляющемуся кризису экспортно-сырьевой модели. Она себя исчерпала. Это проявляется в стагфляции и постепенному сползанию экономики в депрессию.

Согласно оценке самого правительства период 2012–2018 годов был сложным для экономики России. Уже с 2013 г. началась стагнация, которая продолжалась до 2014-го, и лишь потом, после введения санкций и падения цен на нефть, в 2015–2016 гг. наступила рецессия, то есть кризис, упадок. С IV квартала 2016 г. она начала преодолеваться, и можно констатировать, что период рецессии пройден, и от нее мы снова перешли к стагнации – застою, депрессии, к росту на нижних границах в 1,2-1,5% в 2017-2018 годах.

Старая экономическая политика сохранилась, а условия изменились. Президент Российской Федерации указал на эту проблему еще на первом заседании Президиума Экономического совета в 2014 г.: старые источники экономического роста себя исчерпали – если мы будем опираться на них, то нас ждет нулевой рост.

До сих пор мы не мобилизовали новые источники, а будучи зависимыми от нефтяных цен, получили в очередной раз серьезный удар, когда снижение сырьевых котировок инициировали Саудовская Аравия и ОПЕК, чтобы противостоять США с их сланцевой добычей. Пострадав от мер, направленных даже не на нас, мы все-таки преодолели рецессию, но не благодаря действиям правительства, Минэкономразвития или Центробанка, а вновь благодаря нефти: она подорожала после «заморозки» ее добычи в странах ОПЕК и России с \$39 до \$57 за баррель марки Urals, увеличив почти на 30% объем экспорта РФ и обеспечив рост ВВП на 1,5% в I полугодии 2017 г. В 2018-2019 году из-за геополитической и геоэкономической неопределенности возросла волатильность цен

на нефть, что затрудняет прогнозирование перспектив развития и определения объема ресурсов на стратегические приоритеты.

Рекордное снижение инфляции – с 15% в 2015 г. до 4% -5%– сегодня. Вместе с тем, инвестиционный процесс затухает, сокращается платежеспособный спрос населения. Резко упали показатели уровня жизни. Такого еще не было в нашей стране: реальные доходы снизились почти на 15%.

Какие риски и угрозы несет консервация при стратегическом планировании экспортно-сырьевой модели экономики?

Как показывает опыт нашей страны и других стран, богатых природными ресурсами и имеющими экспортно-сырьевую модель экономики, развитие сопровождается проблемами сдерживающими модернизацию экономики, социальную и инновационную ориентацию.

В годы низких темпов экономического роста национальное богатство истощается. Экономическое развитие характеризуется неровным темпом, обусловленным не только непоследовательной экономической политикой, но и колебаниями цен на сырье. Цены основных сырьевых товаров гораздо более подвержены колебаниям, чем цены остальных товаров и услуг в целом.

Это означает, что для стран, богатых ресурсами, характерна большая изменчивость экспортных поступлений и экономическая нестабильность по сравнению с другими странами. За подъемами следует быстрый рост, а иногда и инфляция. Во время спадов часто принимаются меры по снятию остроты проблем экспортных отраслей, иногда включая девальвацию валюты и иностранные займы - в результате инфляция высока, как в «худые», так и в «тучные» годы, а продолжительная жесткая финансовая политика чревата дефляцией, снижением спроса и потерей стимулов для производителей.

Когда экспортно-сырьевая экономика сталкивается с трудностями вследствие чрезмерной эксплуатации ресурсной базы, особенно, не возобновляемой, внешний импульс может быть сокрушающим, так как способность экономики переносить потрясения приблизительно обратно пропорциональна доминирующему положению сырьевого сектора в экономике в период успешного роста и благополучия.

Обратной взаимосвязи между природными ресурсами и устойчивым инновационным долгосрочным ростом имеется ряд объяснений: «голландский синдром», который ведет к повышению реального обменного курса или заработной платы и усиливает нестабильность обменного курса, что вызывает сокращение экспорта и замедление экономического роста.

Следует отметить недостаток внимания к качеству человеческого капитала, что связано с более низкими требованиями сырьевого сектора к уровню науки, технологий и образования по сравнению с другими отраслями.

Извлечение экономической ренты, которое отвлекает внимание и усилия общества от создания нового качества богатства, переключая их на непродуктивную деятельность.

Для обеспечения устойчивого развития экономики необходимо переломить инерцию экспортно—сырьевой ориентации экономики.

Ключевым условием является обеспечение устойчиво высоких темпов экономического роста на основе перераспределение структуры расходов в пользу инвестиционных. На решение этой задачи в настоящее время направлен комплекс мер экономической политики Правительства, включающий как перераспределение расходов федерального бюджета в пользу инвестиционных и реализацию проектов инфраструктурного строительства с привлечением средств частных инвесторов, так и создание условий для роста инвестиционной активности частного сектора. Второе будет достигаться с помощью обеспечения стабильных и необременительных условий для бизнеса (что предполагает стабильные налоговые условия, предсказуемое тарифное регулирование, снижение уголовно-процессуальных рисков предпринимательской деятельности, завершение реформы контроля и надзора). Кроме того, комплекс мер экономической политики будет включать мероприятия, направленные на создание источников долгосрочных сбережений в экономике (добровольная накопительная пенсионная система, расширение линейки инструментов сбережения населения), а также переход от нейтрального банковского регулирования к стимулирующему (с точки зрения проектного кредитования, кредитования МСП и ипотечного кредитования). Меры вполне рациональные, но возможно недостаточные и необеспеченные в необходимых масштабах ресурсами, о чем свидетельствуют прогнозы финансово-экономического блока и цифры федерального бюджета.

Во-вторых, угрозой для стратегического планирования социально-экономического развития является спад с 2013 года, прежде всего инвестиционной активности. Национальные и федеральные проекты еще не успели переломить ситуацию.

Экономическая динамика 2018 -2019 гг. позволяет говорить о том, что в российской экономике сохраняется низкий уровень экономической активности в условиях постепенного нарастания рисков финансовой нестабильности. Предпринимательская активность по итогам 2017-2018 годов отражает общее сокращение численности предприятий во всех секторах экономики и несущественно различается в разрезе видов экономической деятельности.

Недостаточно понятные средне- и долгосрочные ориентиры государственной экономической политики, жесткая кредитно-денежная и бюджетно-налоговая политика, многообразие факторов, влияющих на курс рубля, выступают существенными ограничителями внутреннего спроса, как со стороны бизнеса, так и со стороны домашних хозяйств. Высокие реальные процентные ставки обуславливают отрицательный финансовый рычаг для подавляющего большинства российских предприятий реального сектора, что делает для них нецелесообразным привлечение заемных средств российских банков в качестве инвестиций (введенные санкции существенно ограничились возможность и набор инструментов привлечения финансовых средств с зарубежных финансовых рынков). При этом структура спроса населения не ориентирована на инвестиции, почти треть всех доходов российские граждане тратят на продовольствие, постоянно растут платежи по имущественным налогам и оплата жилищно-коммунальных услуг.

В отсутствие широкого спектра инструментов по инвестиционному привлечению средств населения неудовлетворительное состояние большинства региональных и муниципальных бюджетов также не позволяет им принимать участие в софинансировании инвестиционных программ хозяйствующих субъектов.

Сложившиеся условия негативно действуют на повышение инвестиционной активности бизнеса, долгосрочным ориентиром для которого стали околонулевые темпы роста спроса.

Другим фактором, определяющим низкий уровень инвестиционной активности в Российской Федерации, является неспособность банковской системы выполнять функции перераспределения в условиях разрывов в уровнях рентабельности между экспортом сырья и остальными видами деятельности.

В условиях, когда большая часть отраслей российской экономики имеет рентабельность ниже, чем ставка по банковским кредитам (такая ситуация наблюдается в том числе в таких основополагающих отраслях, как машиностроение, крупнотоннажная химия, строительство и др.), банковская система не выполняет своей основной функции по перераспределению и трансформации избыточной ликвидности одних секторов экономики в кредиты другим секторам экономики, остро нуждающимся в модернизации производственных фондов.

Как результат, в российском банковском секторе сформировался структурный профицит ликвидности, т.е. накопились средства, которые не востребованы экономикой. Это делает необходимым создание принудительных механизмов такого перелива в виде институтов развития, особых режимов, программ субсидирования, установления

дифференцированных значений процентных ставок (в зависимости от приоритетности отраслей и программ финансирования) и др.

Ситуация усугубляется сохраняющимся действием жесткого бюджетного правила, изымающего из возможного оборота, в том числе инвестирования (за исключением крупнейших и стратегически значимых проектов), дополнительные финансовые средства от нефтегазового экспорта, направляемые в Фонд национального благосостояния (уже сейчас превышающего 7% ВВП).

Вместе с тем, по мнению экспертов, текущий объем золотовалютных резервов Российской Федерации порядка 540 млрд. долл. США уже является избыточным относительно существующих потребностей экономики в резервах, поскольку как показал опыт, политика опережающего накопления резервов не позволила решить ни одну из важнейших задач социально-экономического развития Российской Федерации.

Сложившаяся ситуация, как показывают данные последних прогнозов и материалов Федерального бюджета на 2019 г. и плановый период 2021 и 2022 годов является следствием долговременного застойного состоянии инвестиционного процесса и есть серьезная угроза необратимости отставания Российской Федерации от экономически развитых стран.

Перейдем к рассмотрению того, насколько одобренный проект федерального бюджета открывает двери денежным средствам, ориентированным на финансирование развития потенциала мирной экономики, являющейся основой для ее устойчивого функционирования в период нарастания и действия внешних угроз применения силы?

На все три года запланирован профицитный бюджет. Следовательно, разработанный федеральный бюджет на 2020 г. и на плановый период 2021-2022 гг. продолжает отсекал финансовые ресурсы от финансирования экономического роста. И общая динамика снижения прироста расходов бюджета, которые увеличиваются в 2020 г. на 6,6%, в 2021 г. – на 5,8% и в 2022 г. – на 5,5% также наглядно говорит об этом. Экономика не может рассчитывать на интенсификацию финансирования, а напротив - идет по пути ее затухания.

Активно предполагается использовать бюджетное правило, хотя и здесь можно заметить некоторое смягчение проводимой политики.

Несколько повышена на период 2020-2022 гг. цена отсечения – с 41,6 долл/барр до 42,4 долл/барр. Но это, как и раньше намного ниже мировых цен на углеводороды. Таким образом, опять значительные суммы доходов от разницы между фактическими ценами на

углеводороды и ценой отсечения будут изыматься из финансирования развития экономики.

Итак, в предстоящем трехлетии будет продолжена политика финансовой консолидации. Это главная характеристика проекта федерального бюджета на 2020 г. и на плановый период 2021-2022 гг.

Прежде всего, обращает на себя внимание неуклонное к концу трехлетия увеличение ФНБ против принятого и утвержденного максимального объема в 7% к ВВП. К 2022 году этот объем достигнет 10,6% к ВВП, а к концу года 12,6% к ВВП. Это означает, что посредством ФНБ из экономики будет изыматься 7-8 трлн рублей.

Следует также обратить внимание на недостаточно прозрачные планы по направлениям использования средств ФНБ. Отсутствие четкой инвестиционной стратегии может вновь привести к использованию ФНБ в качестве резерва для финансирования очередного дефицита бюджета в периоды циклических колебаний.

Итак, в резервах в нашей стране находятся финансовые средства в объеме 29 трлн руб. в официальных валютных резервах и 7 трлн руб. в ФНБ. Такая избыточность резервов может стать опаснее для экономики, чем их недостаточность.

Не менее серьезной проблемой является отсутствие определенности в отношении потенциальных возможностей экономического роста и формируемых мер экономической политики.

Таким образом, можно сделать вывод, что экономическая политика сохраняет ряд очевидных рисков. Первый: при всей масштабности задач, решаемых в рамках нацпроектов, они лишь частично направлены на модернизацию базовых секторов российской экономики в кратко- и среднесрочной перспективе. Неясно за счет чего будет разгоняться экономика при жестких ограничениях на потребительский спрос и чистый экспорт. Возможно избыточное ускорение спроса на импортируемую продукцию инвестиционного и промежуточного потребления в условиях недостаточного роста эффективности внутреннего производства.

Второй риск состоит в относительно слабой интеграции задач различных национальных проектов, что может привести к распылению финансовых ресурсов и неэффективности их использования.

Третий риск состоит в недостаточных стимулах для частного бизнеса в решении задач национального развития. Здесь нужен диалог государства и ряда крупнейших сырьевых компаний в рамках дискуссии об использовании сверхдоходов от экспорта.

Кроме того, для устойчивого развития экономики нужны не локальные или разовые решения, необходимо наличие надежного механизма постоянного воспроизводства ее

производственной базы. За период реформ российской экономики эффективная система сохранения, поддержания и развития одного из существенных факторов экономического роста - основных средств так и не сформирована.

В-третьих, важным вызовом для развития и наращивания экономического потенциала является медленное становление самой системы стратегического планирования и целеполагания на основе 172-ФЗ. Создание системы стратегического планирования – условие для реализации крупномасштабных проектов, направленных на развитие транспортной системы, энергетических мощностей и расширение ресурсной базы и внедрение продвинутых технологических платформ для военной экономики.

Существенной проблемой современного стратегического планирования является недостаточная межведомственная координация деятельности участников стратегического планирования, в том числе при реализации стратегических национальных приоритетов. Сроки, последовательность подготовки, соподчиненность, показатели на всех уровнях планирования практически не согласованы. Практика показывает, что угрозы национальной безопасности Российской Федерации не учитываются либо рассматриваются формально, а задачи обеспечения национальной безопасности в документах социально-экономического характера, как правило, носят декларативную направленность и не предусматривают конкретных мер по их практическому решению.

С развитием системы стратегического планирования тесно связана необходимость организации системы мониторинга и анализа рисков и угроз, которую предполагается создать на основе построения Федеральной системы управления рисками для суверенного развития страны.

Создание такой системы управления рисками в сфере экономической безопасности (далее – ФСУР) предусмотрено положениями Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года..

Основные предпосылки создания СУР определяются практической необходимостью оперативно выявлять новые, динамично меняющиеся организационные, технологические, логистические, правовые и иные факторы и условия экономической деятельности, внезапно возникающие вызовы и угрозы устойчивости социально-экономического развития стран.

Основными функциональными задачами СУР должны стать:

- выявление и оценка существующих и потенциальных вызовов и угроз экономической безопасности;
- оценка ресурсов, необходимых и достаточных для предотвращения вызовов и угроз экономической безопасности;

- планирование и контроль реализации конкретных мер федеральных органов исполнительной власти, субъектов естественных монополий, государственных корпораций и субъектов экономической деятельности по оперативному реагированию на угрозы и риски в сфере экономической безопасности;
- выработка, контроль за реализацией и оценка эффективности мер по противодействию экономическим санкциям, введенным в отношении российских юридических и (или) физических лиц, отраслей экономики Российской Федерации.

В-четвертых, как уже отмечалось, одним из внешних вызовов для организации системы стратегического планирования является зависимость государственного регулирования экономического развития от воздействия различных проявлений волатильности существующей мировой валютно-финансовой системы, так и не преодолевшей изъёнов, приведших к кризису 2008-2010 гг.

Для противодействия данной угрозе следует предусмотреть построение второго финансового контура (наряду с эмиссионным контуром Банка России), обеспечивающего экономический суверенитет, снижающего риски открытой экономики и обеспечивающего инвестиционный контур для российских производителей и возможности пополнения товарных резервов государства. Противопоставить можно защиту в виде создания дополнительного резервного контура финансовой системы, обеспеченного не только ЗВР, но и товарно-валютными резервами (ТВР). При этом основной контур, базирующийся на ЗВР (эмиссионный), останется функционировать по правилам и регламентам, закрепленным национальными и наднациональными валютными финансовыми регуляторами и соглашениями. Противопоставить можно защиту в виде создания дополнительного резервного контура обеспеченного, но и товарно-валютными резервами (ТВР). Второй контур – инвестиционный (резервный) - базируется на ТВР и регулируется государством.

Создание подобного контура позволит обеспечить безопасное и устойчивое пополнение государственных резервов и мобилизационных фондов, а российским товаропроизводителям гарантировать устойчивое функционирование.